

НАЦИОНАЛИЗМ И ЛИТЕРАТУРА. ЧАСТЬ II

Борис Ихлов

Пролегомены

Анализ литературы в понятиях романтизма, классицизма, реализма, футуризма, экспрессионизма и далее с приставкой «нео» или, если кому-то это угодно, визионерства и т.п., который по-своему классифицирует литературные течения, концентрирует внимание на литературе как на отдельно стоящей, относительно самостоятельной, развивающейся из самой себя и из коммуникаций литературы разных наций.

Мировой литературный процесс, взаимосвязь литератур – что они означает? Некие единые процессы, протекающие в литературе в связи с нею самой, обособленно? Или эта связь обусловлена подобием политических и экономических процессов? Ее содержание – заимствование стиля, манеры, идей – или «заимствование» всего этого из общественной природы? Что более повлияло на Гюнтера Грасса – Дос Пасос или, если убрать посредника, участника комиссии Дьюи, Пасоса – те события, что происходили в сталинском СССР?

Можно исследовать гротеск в творчестве Гюнтера Грасса, как это делает А. В. Добряшкина в своей диссертации. Можно назвать первую книгу трилогии Грасса «Жестяной барабан» плутовским романом, но что это даст? Смысл романа - осуждение нацизма.

Уже исторический детерминизм, разумеется, не понимаемый жестко, анализ воздействия на литературу значимых общественных явлений – разнообразнее и содержательнее.

Вместо этого тему нацизма исследуют в тех же рамках, как, например, М. Уздемир в статье «Антифашистская проблематика романа Г. Грасса «Собачьи годы»»

https://www.academia.edu/33869924/%D0%90%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%84%D0%B0%D1%88%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B0_%D0%93._%D0%93%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B0_%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D1%87%D1%8C%D0%B8_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B.docx

Читаем: «... можно сделать вывод о том, что антифашистская проблематика в романе «Собачьи годы» выражаются через главных героев романа, их поступки и речь... Собаки играют в романе ведущую и, можно сказать, сквозную роль». Спасибо.

Помимо описаний, что изложено в книге, помимо указания на абсурдность фашизма, на пародийность и гротеск, на отношение темы и проблемы - это, собственно, всё. То есть, анализ произведения, как таковой, отсутствует.

В конце в виде школьного упражнения автор дает неверное определение фашизма, сводя его к форме диктатуры.

Сравните хотя бы с анализом романа Тургенева «Отцы и дети» в книге Писарева «Реалисты», в котором отсутствуют тема с проблемой, романтизм с экспрессионизмом или кульминация с экспозицией, но есть свежий воздух.

«История всемирной литературы» отмечает стремительное индустриальное развитие в конце XIX – начале XX века, скачкообразный рост производительных сил. В короткий период быстрые изменения материального облика резко меняют общественное сознание. Век пара сменяется веком электричества, подводные лодки, автомобиль, трамвай, телефон, кино, авиация, сокращающие на тысячи километров мировые мореходные пути, железнодорожные туннели и т.д. (т. 8, «Введение»).

«Во второй половине 90-х годов Попов и Маркони независимо друг от друга изобретают радио и осуществляют первые сеансы радиотелеграфной связи».

(Здесь в ИВЛ существенная ошибка: сразу несколько ученых в разных странах изобрели радио независим друг от друга, Попов усовершенствовал разрядник Герца и первым передал закодированный радиосигнал: «Герц». Маркони же выслушал несколько лекций Попова, украл и запатентовал его изобретение.)

Два небольших облачка на ясном небе физики, излучение черного тела и независимость скорости света от скорости источника света, производят катастрофу, рушится старое здание науки, возникают квантовая механика, специальная и общая теория относительности. Слайфер обнаруживает разбегание галактик и сближение с туманностью Андромеды, Фридман объясняет этот тотальный феномен в рамках уравнений Эйнштейна.

Ломается старый картезианский детерминизм, гибнут старые представления о мире, о жизни в нем человечества.

«При этом сохраняется социальная дисгармония, эксплуатация и бедственное положение масс. Индустриальный век несет с собой не только созидание, но и опасные разрушительные возможности. Он заключает в себе угрозу естественным началам человеческого существования, начинает губительно отражаться на состоянии природной среды... Громкую известность приобрел в 1889 г. коллективный протест трехсот французских деятелей культуры (в их числе были Мопассан, Дюма-сын, Сюлли Прюдом, Шарль Гуно) против Эйфелевой башни... Верхарн одновременно проклинает «города-спруты», зловонным дыханием своих заводов отравляющие мир полей и живой природы. Поэта неотступно преследует воплощенная в образы мысль о пагубных социальных и экологических последствиях индустриального прогресса... появились писатели, на которых колоссальная и обладающая всеокрушающим потенциалом сила современных машин и технических сооружений производила, напротив, опьяняющее действие. В безоговорочной и почти молитвенной апологии мощности и скорости, стали и электричества, которая была присуща итальянским футуристам, в призывах Маринетти воспеть «ночную дрожь арсеналов и судоверфей... прожорливые вокзалы... паровозы с могучей грудью... скользящий полет аэропланов» и т. д. - во всем этом слышались антигуманистические ноты, угадывался некий отчужденный от человечности идеал» (там же).

Поразительно: писатели, изучавшие философию, не связали одно с другим – причину со следствием, урбанизацию, отехничивание – с капитализмом. В развитии капитализма машина все более и более отчуждает человека от самого себя, капитал все жестче делает из рабочего придаток машины. Изготовление, например, одной и той же гайки в течение нескольких лет в процессе распределенного труда образует, образно говоря, в голове рабочего ту же самую гайку. В философии Мартина Хайдеггера отмечен страх перед техникой, Хайдеггер, как и литераторы, тоже не увязывает «машинное» отчуждение с общественным строем, со способом производства.

«Процесс индустриализации и урбанизации сопровождался в капиталистических странах быстрым ростом пролетариата. Революционная борьба рабочего класса приобретает в конце XIX в. все более широкий и организованный характер: в странах Европы и Америки возникают одна за другой социалистические рабочие партии, в 1889 г. возрождается Интернационал. Организованное рабочее движение и широкое распространение социалистических идей в мире начинают в это время все более заметно сказываться на развитии литературы и искусства» (там же).

Октябрьская революция, восстания в Азии, революция в Венгрии, Австрии, Веймарская республика крушат старую философию. Великая эпоха порождает и великую литературу.

«В 1901—1902 гг. «о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература», писал В. И. Ленин. ... высоко уважительное внимание к русской литературе, к ее нравственному гуманистическому пафосу («святая русская литература», как сказано у Томаса Манна) возникло тогда, когда весь мир стал прислушиваться к благовесту, доносившемуся из России, испытывая сильное и глубокое впечатление от героического, жертвенного примера российского освободительного движения (от народовольцев до революционного марксизма)», - отмечают в ИВЛ.

Генрих Манн приветствует Октябрьскую революцию, но после прихода к власти Гитлера эмигрирует во Францию.

Переломная эпоха с острейшим национальным вопросом перед ведущими политическими течениями поставила его и перед литературой.

Сформулируем его, обратившись к истории.

Емельян Пугачев противостоял системе, хотя и не стремился изменить ее, царь – классовый антипод. Александр Суворов принял участие в подавлении восстания Пугачева. В СССР было принято не помнить о подавлении восстания, но указывать, что Суворов развил военную науку, это гордость, слава русского оружия.

Генералы вермахта участвовали в подавлении демократических движений, воевали против СССР и США, но отчего немцы не могут говорить о Гудериане или гросс-адмирале Карле Дёнице как развившим военную науку, как о славе и гордости немецкого оружия?

При Сталине было построено множество заводов, в 1932-м ведено всеобщее среднее образование, многократно увеличена сеть медицинского обслуживания.

Почему немцы не могут говорить, что при Гитлере было построено множество предприятий, резко поднят жизненный уровень еще до нападения на СССР, более того, Гитлер сделал то, чего не смогли сделать ни Сталин, ни Рузвельт – полностью ликвидировать безработицу.

Бороться с мировой буржуазией должен объединенный рабочий класс. Но когда начинается война – каждый сам за себя? Большинство II Интернационала оказалось патриотичным, немецкие социал-демократы голосовали за военный бюджет. Что и привело к краху II Интернационала.

Практически всё руководство большевистской партии, как и русские анархисты во главе с Кропоткиным, как и эсеры, выступало за войну до победного конца. Ленин был единственным «диссидентом», который в сентябре 1914 года призвал к поражению своего правительства, потребовал «перевести войну империалистическую, войну за передел мира, в войну гражданскую, против своих правительств». Долго еще после этого Ленину пришлось объяснять, что в этом призыве нет никакого предательства.

Вместе с Лениным выступили писатели как Антанты, так и Тройственного союза. Осуждают войну Герман Гессе («Друзья, довольно этих звуков!», «*Neue Zürcher Zeitung*». 3.11.1914), Генрих Манн. Эрих Мария Ремарк причислен к «знаменосцам потерянного поколения», но это неверно. Он отказывается от награждения Железным Крестом, протестует против войны («На Западном фронте без перемен», «Три товарища»), против войны Хэмингуэй («Прощай, оружие!»), и посмотрите, как «националистически» возражает национализму Ромен Роллан в «Очарованной душе» устами Анны Пётч: «И это французы!»

Весной 1915 года в письме своему другу Альфреду Шлейхеру Герман пишет: «Национализм не может быть идеалом — это особенно ясно теперь, когда нравственные устои, внутренняя дисциплина и разум духовных вождей с той и другой стороны проявили полнейшую несостоятельность. Я считаю себя патриотом, но прежде всего я человек, и, когда одно не совпадает с другим, я всегда встаю на сторону человека» (Г. Гессе «Письма по кругу»; М. 1987; письмо Альфреду Шлейхеру).

С приходом к власти в Германии нацистов Гессе решительно осуждает политику новых властей, которые в 1935 году присылают писателю письмо с требованием о подтверждении арийского происхождения, но он гражданин Швейцарии и не обязан ничего доказывать. С 1942 года часть произведений Гессе запрещают на территории рейха, писатель больше не может публиковать свои статьи в немецких газетах.

В период, когда нацизм набирал силу Ремарка называли предателем народа, продажным писакой. В 1931 году за роман «На Западном фронте без перемен». Ремарку хотели было присвоить Нобелевскую премию по литературе, но при рассмотрении заявки Нобелевский комитет отклонил предложение. Союз германских офицеров протестовал против номинации, ибо роман якобы оскорбляет немецкую армию. В 1933-м власти запретили, а студенты сожгли его произведения, скандируя: «Нет писакам, предающим героев Мировой войны. Да здравствует воспитание молодёжи в духе подлинного историзма! Я предаю огню сочинения Эриха Марии Ремарка».

Это был первый водораздел.

Брат Генриха, Томас Манн, поддержал империалистическую бойню. Томас Манн пересмотрел свои взгляды и публично заявил о своей приверженности демократии. Он вступил в Немецкую демократическую партию — партию либерально-демократического толка; однако в мае 1923 года, когда на премьеру пьесы Б. Брехта «В чаще городов» национал-социалисты, усмотревшие в ней «еврейский дух», спровоцировали скандал, разбросав в зале гранаты со слезоточивым газом, Томас Манн, в то

время корреспондент нью-йоркского агентства «Дайел», отнёсся к этой акции сочувственно. «Мюнхенский народный консерватизм, — писал он в третьем из своих „Писем из Германии“, — оказался начеку. Он не терпит большевистского искусства».

Почему Ремарк, Гессе, Генрих Манн, Роллан, Хэмингуэй не предатели, но Власов – предатель? Потому что Власов выступил на стороне нацизма. Но чем сталинский тоталитаризм лучше германского нацизма?

Горячее всего проблема нации встает в Германии, которая испытала поражение в первой мировой, поражение революции, нацизм, снова поражение в войне, разделение и объединение страны и подчинение ее Соединенным Штатам.

Лев Толстой выступил против церкви. Шмелев воспел церковные обряды. Брюсов, Северянин, Гиппиус, Ремизов, Мережковский не приняли революцию, Бунин, Ходасевич, Шмелев, Замятин эмигрировали. Бунин пишет «Окаянные дни», Замятин - «Мы», Пильняк остается в России, пишет «Красное дерево», где, казалось бы, возражает революции: «Вымрет пролетариат». На самом деле это и есть марксизм. Но это не всё, есть еще «Повесть непогашенной луны». Ахматова – явно антисоветская, но Платонов – нет, ничего особенного ни в «Котловане», ни даже в «Чевенгуре» - нет. Булгакова пытаются представить антикоммунистом, но переложение Бортко «Собачьего сердца» не соответствует оригиналу, в ремарках Булгаков так характеризует профессора Преображенского: «Человек, у которого дурно пахнет изо рта». Нет НКВД и в романе «Мастер и Маргарита».

Писатели эмигрировали из Испании и Турции, Аргентины Нидерландов. Восставших рабочих тоже порой расстреливают. Но рабочие не могут эмигрировать. Они главные диссиденты, но связаны со своим врагом неразрывно. В любой стране они останутся всё теми же рабочими. В Германии не существовало «внутренней эмиграции», ее просто удалили.

Большевики организовали «философский пароход», лишь следуя примеру более развитых стран. За три года до высылки из России Бердяева, Ильина и других по приказу Генерального атторнея США А. Митчелла Палмера на пароходе «Бьюфорд» из США в Советскую Россию насильственно отправили 249 леворадикальных интеллектуалов.

Аналогично поступали и власти Германии, сотни писателей были высланы, многих лишили гражданства, около 1500 писателей журналистов (по другим данным около 2000) бежали из Германии.

Разве литература исчерпана политикой? Без сомнения, нет. «... Взмахну руками, стихами вдруг заговорю...»

Разве литература не национальна, отнюдь не только в смысле языка? «Моя музыка пропахла сардиной», - говорит Эдвард Григ. Чем литература хуже музыки.

Но мы живем в эпоху, которая заставляет не петь, а кричать.

Бетховен о музыке

Высекать огонь из человеческой души? Что ж огонь. Не всё же время гореть, нужно и меру знать. Можно и тлеть потихоньку.

Казалось бы, если речь идет о литературе, никакая партийность в литературе недопустима, писатель пишет всё, что пожелает, народы должны припадать и быть ему за все благодарны.

Казалось бы, если речь идет о литературе, то нужно и говорить о литературе, о пластике языка, о слове, которое выпрыгивает из-под пера, подобно заморской диковинке, как желанный подарок ко дню рождения, о мастерстве рассказчика, о вкладе в словесность и прочее.

Так, верно, и думал о литературе беллетрист Тригорин из чеховской «Чайки» - возьмет он случайно попавшую на глаза вещицу, чернильницу какую, повертит в руках, станет ее описывать – вот и получится рассказ. Все будут читать, восхищаться и припадать к стопам – какова чернильница! Каков мастер! Каков языковой пейзаж! Какова образность! Был Редьярд Киплинг расистом, не был – не имеет значения, потребитель восторгается его поэзией и сказкой «Маугли».

Или чернильница эта вселит в души хоть каплю доброты – в том мире, что от края и до края прививает только два рефлекса: давать сдачи и убегать. Разве не выжимает из иссохшей души доброту «Детство»

Толстого и Горького или детство Эзау Матта в «Лавке» Эрвина Штритматтера - с живыми зеркалом, декоративным столиком, печкой, «притулившейся в углу, как белый теплый зверь».

Между Сциллой доброты и Харибдой размягченности, примирения с грязью и глупостью. Между буржуазным потребительством и жесткой партийностью, ведущими к масс-культуре и бездарности – и страусиной позой, мещанством, обывательщиной...

Штритматтера, немецкого серба, бывшего 1-м секретарем Союза писателей ГДР, не упрекнуть в партийности. С одной стороны, дезертировал из армии вермахта, с другой – после прихода к власти нацистов спокойно работал на химическом производстве в Тюрингии, в 1940-м сам подал заявление на вступление в Ваффен-СС, но принят не был, служил писарем в 18-м егерском горном полку СС. В Сопротивлении не участвовал.

События мира в «Лавке» - редко вкраплены в личное, вот вам Вторая мировая война, «которую милые немцы навязали себе на голову после пятнадцати лет скудного мира», вот советские танки прошли на Берлин, и немецкий деревенский обыватель отмечает: «Ну, значит, войне конец».

Писатель приводит в пример письма его студентов: «С тех пор, как мы проходили ваш роман о мальчике, который узнал, кто его отец, лишь когда пошел в школу, и наш учитель то и дело заставлял нас объяснять, что это значит с точки зрения идеологической, а это – с социологической, а это – с экономической, я в руки не беру ваших книг. Вы ведь не станете отрицать, что многое из написанного вами – это обычные шутки и истории, которые могут произойти с любым человеком, нас же заставляли выискивать в этих забавных историях идеологию и социологию, а поэзию с нас никто не спрашивал, и это было очень противно. Никогда в жизни не прочту ни одной книги Эзау Матта. Ни за что».

И отмахивается: «Я истратил много лет своей жизни, прежде чем накопил достаточно мужества, чтобы не обращать внимания на издевательский хохот глупцов и насмешки умников прежде чем осмелился говорить и писать то, что на самом деле видел, чувствовал, думал, а не то, что я должен был видеть, чувствовать, думать».

Как не откликнуться советскому поэту:

... Где судят тени как на сцене,
Иноязычный разум твой.
Ни смысла, ни числа, ни меры.
А судьи кто, и в чем твой грех?
- Мы вышли из одной пещеры
И клинопись одна для всех.
Явь от потопа до Евклида
Мы досмотреть обречены,
Отдай, что взял, что видел – выдай,
Тебя зовут твои сыны,
И ты на чьем-нибудь пороге
Найдешь когда-нибудь приют,
Пока быки бредут, как боги,
Боками трутся на дороге
И жвачку времени жуют.

В то же время Штритматтер ненавидит мещанство, обывательщину, пишет о классовой борьбе в деревне (пьеса «Кацграбен» была отвергнута Потсдамским театром), смеется над бытовым нацизмом: «Американец хочет шкоренить гордую немецкую нацию».

Между Сциллой толерантности, мультикультурализма, пустого интернационализма и Харибдой национализма, имперской гордыни.

По ту сторону нации

Грасс - критик политического режима в ГДР. Противник ввода советских войск в Чехословакию, то есть, его восприятие событий целиком сформировано местной прессой, он не знает причин «Пражской весны».

Тем не менее, в 1968-м в СССР публикуют его новеллу «Кошки-мышки», в 1983-м и 1984-м – романы «Встреча в Тельgte» и «Под местным наркозом», в 1982-м выходит роскошное издание его произведений. Утверждают, что книги Грасса подвергались при этом цензуре (А. Щекина-Грайпель. Советская литературная политика и восприятие Гюнтера Грасса сегодня, Вестник Северного федерального университета. Филология. 2016. С. 143-148).

В 1973-м власти ФРГ не пустили Грасса в СССР.

8 апреля 2012 года Израиль объявил Гюнтера Грасса персоной нон грата за обнародование стихотворения под названием «То, что должно быть сказано». Ему запретили въезд в Израиль.

Так за что на частичного еврея Грасса набросились полноценные евреи?

Утверждается, что в стихотворении Грасс резко критикует Израиль за угрозу превентивной войны в отношении Ирана из-за его ядерной программы и напомнил, что у самого Израиля имеется созданное в тайне ядерное оружие.

Причем сам Израиль не особенно старается скрывать наличие ядерного оружия. так, в том же 2012 году в израильской прессе прозвучали угрозы разместить у побережья Ирана ядерные заряды, чтобы при случае привести их в действие и вызвать цунами, которое смочет Иран.

Стихотворение даже до «юмора» Триера не дотягивает в своей нелояльности к богоизбранным. Следует ли теперь ждать поправку к уголовному законодательству во многих европейских странах: «любое сомнение в благих намерениях Израиля приравнять к отрицанию Холокоста, с последующем отбыванием виновных в тюрьмах по месту жительства»? – пишет Елена Куклина.

Вот она, крамола, в переводе Михаила Ошерова (подстрочник):

«О чем нужно говорить.

Почему я молчу, почему скрываю слишком долго то, что очевидно и при планировании практикуется - мы, выжившие в конце, станем примечаниями.

Утверждается, что есть право на первый удар возможных жертв от хулиганов и на организацию великого праздника (Гюнтер Грасс здесь использует древненемецкое слово Jubel, пришедшее в немецкий язык из иврита Библии) направленного на возможное уничтожение иранского народа,

потому, что он подозревается в строительстве атомной бомбы.

Но почему я говорю себе: есть и другие страны, которых называют поименно, Которые в последние годы, хотя это и держится в секрете, Нарастили свой ядерный потенциал, Но недоступны для контроля, потому что невозможно их проверить?

Общее сокрытие этих фактов подчинило мое молчание.

Я чувствую, как обременительны ложь и принуждение, когда они мной будут игнорироваться.

Мне в перспективе маячит штраф (наказание); вердикт "антисемитизм" мне знаком.

Но сейчас, когда к моей стране, собственные преступления которой не имеют сравнения,

Снова и снова ставятся вопросы и требования, они ставятся на чисто

коммерческой основе, когда также с проворными губами объявляют о реституции,

Следующая подводная лодка должна быть доставлена в Израиль

Ее специальность состоит в том, чтобы доставлять разрушительные боеголовки (до цели)

(в страну), где существование даже одной атомной бомбы не доказано, но страх используется как доказательство.

Я говорю, что (это) должно быть сказано.

Но почему я молчал до сих пор? Как я уже говорил, в моем прошлом есть один недостаток, который запрещает мне это, как и запрещено говорить правду о Земле Израиля, с которой я связан и хочу оставаться на связи.

Почему я говорю только сейчас, состарившийся и с последними чернилами:

Ядерное оружие Израиля опасно для и без того хрупкого мира во всем мире?

Потому что надо сказать, что завтра может быть слишком поздно;

И потому, что мы - как немцы и как поставщики (оружия) можем стать соучастниками преступления, которое предсказуемо, поэтому наше соучастие нельзя оправдать ни одним из обычных оправданий.

И да, я считаю, потому что я устал от лицемерия Запада; и можно надеяться, что многие освободятся от молчания

(что многие) по причине очевидной опасности будут настаивать отказаться от насилия и призывать к неограниченный и постоянный контроль ядерного потенциала Израиля и ядерных объектов Ирана международным органом, (который - контроль) будет одобрен правительствами обеих стран. Только тогда все враждебные (друг другу) израильтяне и палестинцы, более того, все люди, остающиеся в этой оккупированной области, будут жить бок о бок, и в конечном счете помогут нам (жить спокойно)».

12.4.2012 по российскому ТВ сообщили, что Гюнтер Грасс якобы воевал в СС.

Гюнтер Грасс родился 16.10.1927 в Данциге (ныне Гданьск), в польско-немецкой семье, его родители были торговцами.

Во время 2-й мировой был призван на службу в качестве помощника в авиации, затем перешел в 10-ю танковую дивизию Ваффен-СС. После войны он пробыл в американском плену до 1946 года.

Его "призвали" в 1944, ему должно было исполниться 17. В 1945-м он уже в плену до 1946 г., 20 ему исполнилось в 1947-м. Попал он в танковую Ваффен-СС после службы в службе технической аэродрома, т.е., скорее всего, речь идет о 1945 годе, когда Гитлер обязывал воевать даже школьников. Т.е. эсэсовец чисто номинально. И на себе испытал и истерию наци, и плен союзников.

С 1947 по 1948 год обучался профессии каменотёса в Дюссельдорфе. После этого Грасс учился скульптуре и живописи в Академии искусств в Дюссельдорфе. С 1953 по 1956 год он продолжил изучение живописи в

Высшей школе изобразительных искусств в Берлине под руководством скульптора Карла Хартунга.

В 1954 году Грасс женился на Анне Шварц (с которой он развёлся в 1978 году и в 1979 году женился на Уте Грунерт).

В 1956—57 годах Гюнтер Грасс начал выставлять свои скульптурные и графические работы и одновременно начал заниматься литературой. В то время Грасс писал рассказы, стихи и пьесы, которые сам он относил к театру абсурда.

В 1956-1959 годах жил в Париже, занимаясь одновременно всеми жанрами литературы, музыкой, скульптурой, живописью и графикой (эта "возрожденческая" многосторонность талантов Грасса позже сказала в том, что все его книги иллюстрированы им самим). Первые стихи Грасса появились в печати в 1955 г., но мировую известность принес ему знаменитый роман "Жестяной барабан" (1959 г.), ставший частью сатирической панорамы Германии первой половины XX века - так называемой Данцигской трилогии.

В «Жестяном барабане» (нем. Die Blechtrommel) реальные исторические события конфронтируют с сюрреалистически-гротескным образным языком Грасса. Стиль, в котором написан роман «Жестяной барабан», стал стилем Гюнтера Грасса. За него он получил премию «Группы 47», к которой он сам принадлежал с 1957 года. В 1960 году жюри литературной премии города Бремена хотело присудить роману свою премию, но сенат Бремена воспротивился этому. В

1979 году роман был экранизирован режиссёром Фолькером Шлёрндорфом.

Фильм «Жестяной барабан» получил главный приз Каннского кинофестиваля — «Золотую пальмовую ветвь» — в 1979 году, а также «Оскара» как лучший иностранный фильм.

«Жестяной барабан» был опубликован в 1959 году. С этим (первым же своим) Грасс получил международное признание.

В 1960 году вернулся в Берлин, где жил до 1972 года.

С 60-х годов, когда Гюнтер Грасс принял активное участие в избирательной кампании Социал-демократической партии Германии и ее лидера Вилли Брандта, к сфере его многочисленных интересов прибавилась и политическая деятельность.

С 1972 по 1987 Грасс жил в Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейне.

Его второй роман «Кошка и мышь», действие которого происходит во время второй мировой войны в Данциге, и в котором рассказывается история юного Иохима Малке (Joachim Mahlke), вызвал скандал. Гессенский министр работы и здравоохранения, из-за описанной в романе сцены онанизма, сделал запрос в федеральные органы надзора, о проверки романа, как имеющего аморальное содержание. Но после

последовавших протестов общественности и других писателей запрос был отозван.

На выборах Грасс поддерживал Социал-демократическую партию Германии и стал её членом в 1982 году. В 1990 году он высказался против воссоединения Германии (ФРГ и ГДР). Он считал, что объединённая Германия может возродиться как воинственное государство.

В 1985 году вместе с джазовым музыкантом Гюнтером Зоммером (Günter Sommer) он выпустил много необычных записей, на которых он читает свои произведения под музыку Зоммера.

В 1999 году в возрасте 72 лет Гюнтер Грасс получил Нобелевскую премию по литературе.

В 2005 году он основал литературный кружок — «Любекские литературные встречи».

В Любеке, где находится его дом, хранится основная часть его рукописей и художественных работ.

Последняя книга Гюнтера Грасса - "My Century" ("Мой век"), не переведенная пока на русский язык, представляет собой центурию из ста новелл, в каждой из которых, год за годом, Грасс дает свой личный взгляд на историю XX века.

Гюнтер Грасс – зеркало перестройки, если иметь в виду весь период, начиная с 1941 года. И даже с 1917-го.

Как и подавляющее большинство населения планеты, Грасс видел только табличку, не понимал, что в СССР нет и тени социализма. Он фотографировал всё, что углядел, каждое деревце, не замечая за деревьями леса.

Трилогия «Жестяной барабан», «Кошки-мышки», «Собачьи годы» направлена против нацизма. Грасс осуждает сталинские репрессии, приветствует советских воинов в Испании и осуждает, не зная всей истории, зная лишь часть, действия НКВД в Испании, в «Траектории краба» - осуждает уничтожение советской подлодкой С-13 лайнера «Вильгельм Густлофф», перевозившего, кроме войск и техники тысячи беженцев. Осуждает поляков, убивавших изгоняемых из Силезии, Померании, Восточного Барнденбурга немецких жителей - после войны. Видит слабости восстания в Берлине 1953 года и даже посягает на Брехта («Плебеи репетируют восстание»). В «Крике жерлилки», т.е. в крике тревоги, он осуждает воссоединение ГДР и ФРГ, опасаясь последующей экспансии Германии и возможной ее милитаризации.

В современной России стилем писателя восхищается бездарный Захар Прилепин, ни слова не говоря о политических воззрениях Грасса.

В 2008-м Грасс пишет роман «Фотокамера. Истории из тёмной комнаты».

Сам Грасс – фотокамера, которая запечатлеывает мельчайшие детали, но снимает из темной комнаты. Грасс не видел, кто стоит за спиной фотографа и подсвечивает нужное фонариком. В приведенном выше стихотворении Грасс снова подозревает нацизм, уже в Израиле, но видит лишь следствие, так и не обозначив его причину, так и не увидев, кто стоял за «Пражской весной».

Один из лидеров «весны», Ота Сик, в газете «Welt» от 5.11.1990, объяснил: «Мы, ядро экономических реформаторов... не пытались реформировать коммунизм в Праге в то время. Нашей реальной целью было упразднить его и построить новую систему. Нам всегда приходилось говорить о реформе в сторону социалистической демократии или социалистической рыночной экономики, потому что в противном случае нам вообще не позволили бы выйти на улицу».

Сформулируем правильно: упразднить власть, ориентированную на СССР, и поставить власть, ориентированную на США.

Хотя самую общую причину Грасс знает.

Цитата Грасса из его нобелевской речи: «В ужасе мы наблюдаем, что капитализм, с тех пор как его брат социализм объявлен мёртвым, страдает манией величия...»

Или не знает?

По ту сторону класса

Грасс – в отличие, не чурается политики. Он противник нацизма, но и левые вызывают отторжение. В то же время чуть ли не анархист, стремится понять левый фанатизм студенческого движения и умеренность старшего поколения. Горячо поддерживает программу социал-демократов во главе с

будущим канцлером Вилли Брандтом, участвует в избирательной кампании. Разочарован слабым итогом и вхождением СДПГ в 1966 году в «Большую коалицию» во главе с федеральным канцлером Куртом Кизингером, бывшим членом НСДАП.

В 1953 году в Берлине происходит восстание. В 1966-м Грасс пишет пьесу, «немецкую трагедию» - «Плебеи репетируют восстание».

«У восставших рабочих, - поясняет Грасс, - нет плана, они бесцельно носятся по кругу, а интеллектуалы (имеется в виду Брехт, Б. И.), у которых всегда есть какой-то план, что способствует красноречию, терпят крах из-за своего высокомерия...»

В пьесе на улицы выходит внушительная толпа, плохо организованная и лишенная лидера, кому-то приходит в голову направиться к знаменитому драматургу и режиссеру (шефу), чтобы он помог им сформулировать их требования и написать манифест. Рабочие путано объясняют цель визита, шеф видит в них лишь материал для работы над шекспировским «Кориоланом», над сценами восстания римских плебеев, которые он в данный момент репетирует. Шеф не понимает рабочих. Истинный интеллигент, режиссер не хочет конфликтовать с «тоталитарным» Ульбрихтом, ищет компромиссы.

В романе «Мое столетие» Грасс вспоминает, как в 1953-м, как он со своей женой Анной доехали электричкой до Лертеровского вокзала в Берлине, прошли мимо развалин рейхстага, мимо Бранденбургских ворот. «Лишь на Потсдамерплац с западной стороны границы между секторами мы увидели, что уже произошло и... продолжает происходить. Дом Колумба и Дом Отечества дымились. Горел какой-то киоск. Обугленная пропаганда, которую вместе с дымом гнал ветер, черными хлопьями сыпалась с неба. И еще мы видели там и сям толпы людей,двигающихся без всякой цели. Никаких признаков Народной полиции. Зато сжатые толпой советские танки Т-34, я знал эту модель». На одном из щитов виднелось предостережение: «Внимание! Вы покидаете американский сектор». Несколько подростков рискнули нарушить предостережение и, кто на велосипедах, кто пешком, пересекли границу.

«Насмотревшись вдоволь, мы ушли. Насилие отпугнуло нас... Во мне проснулся забытый страх... Оба мы видели детские лица русских пехотинцев, которые окапывались вдоль границы. А чуть поодаль мы увидели людей, бросающих камни... Камнями - против танков! Я мог бы запечатлеть позу бросателя, мог бы написать короткие - или длинные - стихи про бросание камней, но не провел по бумаге ни единого штриха, не написал ни единого слова, однако поза бросающего сохранилась у меня в памяти. Лишь десять лет спустя я написал об этом пьесу..., которая... была в равной мере неприятна храмовым жрецам обоих государств.

В четырех актах пьесы речь шла о власти и безвластии, о запланированных и спонтанных революциях, о вопросе, можно ли переписать Шекспира, о повышении норм и разодранной красной тряпке, о репликах и контр-репликах, о высокомерных и о малодушных, о танках и бросателях камней, о залитом дождем бунте рабочих, который сразу же после его подавления, датированного 17 июня, был ложно провозглашен народным восстанием и в соответствии с этим возведен на уровень государственного праздника (в ФРГ, Б. И.), причем на Западе торжества с каждым разом приводили к всё большему числу жертв дорожных происшествий.

А жертвы на Востоке - они были застрелены, линчеваны, казнены. Вдобавок многих покарали лишением свободы. Тюрьма в Бауцене была переполнена. Но известно это стало много позднее. Мы же с Анной могли увидеть лишь бессильных бросателей. Из западного сектора мы наблюдали всё на отдалении. Мы очень любили друг друга, еще мы очень любили искусство, не были мы и рабочими, чтобы бросаться камнями в танки. Но с тех самых пор мы знаем, что эта борьба идет не прекращаясь. Порой, хотя бы и с опозданием на целые десятилетия, победу всё-таки одерживают те, кто бросает камни» (перевод С. Фридлянд).

Различные источники указывают, что немецкие крестьяне были недовольны коллективизацией, которая «аукнулась резким ухудшением снабжения населения продовольствием».

14.5.1953 «созданная Кремлем на территории советской оккупации марионеточная "Социалистическая единая партия Германии" (СЕПГ) приняла решение о 30% повышении норм выработки, что привело к падению зарплаты на 30%. 17 июня 150 тыс. (200 тыс.) человек на Штраусбергер плац в Берлине штурмовали здание правительства. Забастовки состоялись не менее чем в 701 населённом пункте ГДР и

участвовало в них более миллиона человек (10 миллионов). Восстание подавлено советскими танками. Убито 507 человек. Восстания рабочих в 1953 году на территории ГДР советскими историками названо «фашистским мятежом». Вашингтон не был готов к событиям и не мог на них повлиять.

Что же было на самом деле?

Западная Германия пострадала от войны не так сильно, как Восточная. Она переживала бурный экономический рост из-за миллиардных американских инвестиций. В ГДР экономика развивалась крайне медленно. Почти вся тяжелая промышленность и сырьевая база довоенной Германии находились в ФРГ. У СССР не было средств для помощи ГДР в виде кредитов, уменьшить размеры репараций от ГДР Москва не могла. Из ГДР эмигрировали в ФРГ десятки тысяч высококвалифицированных специалистов.

В июле 1952 г. в США был разработан документ «Национальная стратегия в отношении Германии», утверждённый в августе под кодовым названием PSB D-21. План предусматривал поддержку западной Германии и действия, которые должны были привести к «сокращению советского потенциала в Восточной Германии». Западному Берлину отвели роль витрины демократии и базы подготовки психологических операций против ГДР и других стран, находящихся в зоне влияния СССР. До начала 1953 года шло интенсивное налаживание разведывательных контактов и материально-финансовой поддержкой антикоммунистических организаций, активно действовавших против ГДР. Поставленная им цель была сформулирована недвусмысленно: «Подконтрольная подготовка к более активному сопротивлению».

Передачи из Западного Берлина радиостанции РИАС которая призывали к прорыву «железного занавеса и объединения страны», слушала почти вся ГДР. Коменданты трех западных секторов Берлина не пресекали доставку на автобусах к пограничным постам в Берлине многочисленных манифестантов из своих секторов.

Сталин умер 5 марта 1953 года. На западе его смерть сочили благоприятным моментом для организации провокаций против СССР, ГДР и др. В различных странах капитал повышает нормы выработки более, чем на 10%, но ни в одной стране мира это не приводит к восстанию.

Разумеется, никакой коллективизации не было, было добровольное образование кооперативов, до принудительной коллективизации (в течение 3 месяцев) в 1960 году было еще семь лет.

СЕПГ не создана Москвой, она образована в апреле 1946 в результате объединения на платформе революционного марксизма Коммунистической партии Германии (КПГ) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Соглашение о создании единой рабочей партии было достигнуто на совместном заседании центр. руководящих органов КПГ и СДПГ и руководителей партийных организаций земель Восточной Германии в декабре 1945 г. и было подготовлено сложившимся в борьбе против фашизма сотрудничеством между коммунистами и социал-демократами.

Накануне июньских манифестаций число американских и британских военнослужащих в ФРГ увеличилось на 12 000 человек.

За два месяца до июньских событий 1953 года в ГДР повысили цены на одежду, обувь, общественный транспорт, хлеб, мясо.

В апреле 1953 года в магазинах ГДР возник дефицит на сахар, джем (повидло) и варенье. Бутерброды с повидлом были традиционным завтраком у немцев, пропавшая повидла с прилавков была встречена с негодованием. В сообщениях в Москву не усложнили перевод и написали, что немцы негодуют из-за нехватки мармелада. Москва не придавала этому значения. Однако 27.5.1953 министр иностранных дел Молотов все же вынес вопрос о положении в ГДР на заседание Президиума Совета Министров СССР. Было принято решение разрешено не форсировать «строительство» социализма в ГДР. В частности, Берия заявил: «Нам нужна только миролюбивая Германия, а будет там социализм или не будет, нам все равно». Также Берия озвучил идею объединения Германии, заявив, что целая Германия, пусть и объединившаяся на буржуазных началах, станет серьезным противовесом влиянию США в Западной Европе. Берия распорядился отозвать в Москву уполномоченного МВД СССР по Германии и его заместителей и урезал в 7 раз число сотрудников своего министерства в ГДР.

Как известно, СССР и ранее не стремился к разделению Германии, в виду легко читаемого в будущем напряжения по границе в ближайшие годы. На разделении настояли США и Великобритания.

14 мая 1953 года 13-й пленум ЦК СЕПГ принял решение о 10%-м повышении норм выработки в целях борьбы с экономическими трудностями.

5 июня в Берлине среди строителей престижных строек на Сталин-аллее начались первые забастовки. Делегация рабочих подъехала на грузовике к Дому министерств и потребовала встречи с Отто Гротеволем. На вахте им сказали, что премьер-министра нет на месте. Их принял его референт Курт Амбре. Руководитель делегации Макс Фетлинг передал письмо, в котором 300 строителей больницы Фридрихсхайн требовали до полудня 16 июня отменить повышение норм.

В 10:25 число протестующих было незначительным, 700 человек. Однако **Политбюро СЕПГ, заседавшее в этот день, в срочном порядке приняло решение об отмене повышения норм. В полдень об этом запоздалом решении Политбюро сообщило радио ГДР.**

Зачинщики протестов сделали вид, что никакого решения Политбюро не было.

9 июня забастовку против повышения норм выработки объявили сталевары в Хеннигсдорфе. На крупном строительном объекте Берлина, больнице в районе Фридрихсхайн, строители решили объявить забастовку - из-за 10%-го повышения норм, которое уже было отменено! Забастовка была назначена на 15 июня.

Около 14 часов перед Домом министерств начался митинг.

Из полицейских, призывавших демонстрантов разойтись, двое были избиты.

С началом митингов к границам ГДР стали массово стягиваться танки, БТР и другая тяжелая боевая техника «союзников». К границе переместилась «РИАС», была развернута масштабная пропагандистская кампания против «социалистических порядков» в ГДР.

Над рядом советских объектов начали совершать полеты на низких высотах военно-транспортные самолеты С-47, с которых сбрасывали листовки, содержащие выпады в адрес советских вооруженных сил и социалистической «направленности» Восточной Германии, полеты продолжались ежедневно. Представитель МВД СССР полковник Иван Фадейкин сообщал в Москву: «По наблюдениям агентуры в течение дня и вечером 16 июня с. г. со стороны бастующих не было выдвинуто ни одного лозунга против Советского Союза. Все выпады направлены исключительно против Правительства ГДР и СЕПГ... По имеющимся данным, в организации демонстрации активную роль играли лица из Западного Берлина».

Стаечный комитет района Биттерфельд отправил в Берлин телеграмму - разрешения на организацию партий, существующих в Западной Германии. Любой, кто организовывал забастовки или хотя бы участвовал в них, прекрасно знает, что рабочие не выдвигают подобных требований. Следовательно, требования, которые не имели экономической подоплеки, но отчетливо играли на руку Западу, явно были навязаны рабочим.

13.6.1953 начали забастовку литейщики Лейпцига. 14 июня их поддержали рабочие Берлина. Народной полиции удалось навести порядок, но волнения распространились по всей Восточной Германии, чему способствовали и радио «Свобода» и, разумеется, американские спецслужбы. Забастовщики требовали отставки правительства ГДР, допуска к выборам партий Западной Германии, вывода советских войск, воссоединения страны. То есть, требования явно не забастовочные, привнесенные извне.

Стачком обратился к американской радиостанции «РИАС» с просьбой передать призыв к всеобщей забастовке. Директор станции отказал: «Вы что, хотите развязать третью мировую войну?» Тогда профсоюзный босс Западного Берлина Эрнст Шарновски потребовал передать его призыв к восточным рабочим начать всеобщую забастовку.

С утра 17 июня перед зданием правительства появились толпы, порядка 15 тыс. человек, под лозунгами «Долой правительство козлородного!» (Ульбрихта), «Долой полицию!», «Русские, убирайтесь вон!», «Мы – не рабы!» («Bart, Bauch und Brille – das ist nicht der Wille des Volkes», «Бородка, брюхо и очки — это не воля народа»).

Полицейских, расположенные вошедших в Берлин танковых частей закидывали камнями и обстреливали. Восставшие заняли нижние этажи здания, правительства, сломали мебель, уничтожили документы, затем принялись крушить полицейские участки, другие государственные здания.

Выстрелом из чердака дома убивают советского майора-танкиста. Отдан приказ об ответном огне, в том числе из танковых орудий, по чердакам. После этого по танкам больше не стреляли, лишь бросали камни, чтобы повредить радиоантенны.

У мятежников появились винтовки, автоматы, пулеметы.

Условия оккупационного режима позволили советскому командованию законно подавить вооруженное сопротивление.

Но волнения не утихали. Центром стал округ Галле. В Биттерфельде протестующие заняли здания народной полиции, городского управления и госбезопасности. В Дрездене, Лейпциге и других городах демонстранты захватили радиостанции, редакции газет. По всей Германии начались убийства советских офицеров и полицейских.

Из тюремного заключения были освобождены не только все уголовные преступники, но и надзирательница нацистского концлагеря. Из 12 тюрем были освобождены около 1400, по большей части, уголовников, которые приняли активнейшее участие в волнениях

Появились требования о единой Германии, а также надписи на стенах: «Иван, убирайся домой».

Никто не требовал «Джон, убирайся домой».

На 15-м пленуме ЦК СЕПГ 26.7.1953 Отто Гротеволь сообщил, что демонстрации и забастовки состоялись в 272 немецких общин из 10 000. Общее число участников волнений оценивается в 300 тыс. По уточнённым данным Центра исторических исследований в Потсдаме, число жертв, подтверждённых источниками, составляет 55 человек. С 17 по 29 июня с обеих сторон погибло 125 человек. Около 1000 были ранены. Арестовали и задержали около 20 тыс. демонстрантов.

Для сравнения: в 1992 году в Лос-Анджелесе для подавления негритянского бунта, вспыхнувшего после убийства чернокожего Родни Кинга введены 9000 полицейских, 10 000 военнослужащих национальной гвардии, 3300 служащих армии и морской пехоты США, 1000 сотрудников ФБР, бронетехника, боевые и полицейские вертолеты. Был открыт огонь на поражение, официально убито 63 человека, реально около 100. Более 11 000 человек арестовано, около 500 человек получили от 25 лет до пожизненного заключения. Претензий от ООН и мирового сообщества не было. Чиновники, виновные в применении силы, наказаны не были.

Из воспоминаний командира роты 14-й гвардейской Полтавской мотострелковой дивизии Г.И. Ломакина:

«То, что мы вскоре увидели, произвело впечатление даже на выдавших виды офицеров. На фонарных столбах раскачивались полицейские. Их животы были вспороты, на спинах вырезаны звезды. И тут в нас полетели горящие факелы. А мы в ответ лишь кулаками грозили, ведь оружие было опечатано. И... продвигались вперед. Мне поручили занять позицию за Трептов-парком, рядом с американской зоной оккупации. Наше командование решило не применять оружие, опасаясь, что американцы введут в советский сектор свои танки, стоящие буквально в двух метрах от демаркационной линии.

Утром следующего дня поступил приказ "Минометы с позиций снять!". Сняли. На ночь я поставил охрану. А к утру все часовые были убиты. Пришлось снабдить новых часовых радиотелефонами. В ночь на 18 июня я патрулировал с бойцами по городу. Нам наконец-то выдали автоматы. Только подошли к фонарю закурить, как у меня под ногами что-то щелкнуло. Едва отскочил. Солдаты заняли круговую оборону. Немного переждав, мы пошли дальше.

Видим - на стене дегтем нарисована свастика. И тут чувствую, что кто-то крадется сзади. А потом перебежал улицу. Кто – не видно: темнота такая, что хоть глаза выколи! Разрядил весь автоматный диск в ту сторону. Слышу чей-то истошный крик. Подбежал, осветил фонариком. Лежит девочка, вся искромсанная пулями. Уже не дышит. Рядом – ведро с дегтем и кисть. Меня тут же вывернуло... После этого случая я не спал несколько ночей. Боялся, что приснится та девчушка.

18 июня нас перевели в Карлсхорст, где укрывалось руководство ГДР. Там же стоял наш медсанбат. В ночь с 17 на 18 июня фашисты вырезали здесь всю охрану, зверски расправились с больными, ранеными и медиками. Представшая картина была ужасающей: на КПП к двум вязам были прибиты тела наших медсестер. Их вначале изнасиловали, потом вырезали груди, вспороли животы и воткнули в них саперные лопатки. Какое там "народное восстание"?! Это была явная попытка фашистского переворота. Отсюда и непомерная жестокость. Нам ясно давали понять: убирайтесь прочь!

В тот же день кто-то поджег баню, где мылись мои бойцы. Многие получили ожоги. Полиция вышла на

убийц и поджигателей. Всех расстреляли.

Нам приходилось сбивать и американские воздушные шары. В корзине одного из них находились тонны две листовок с карикатурами на Сталина. А под ними призыв к воинам нашей дивизии немедленно отправляться домой. Самое интересное, что было указано полное наименование нашего засекреченного соединения».

5.11.1953 судами ГДР были осуждены 1240 «участников провокаций», среди которых были 138 бывших членов нацистских организаций и 23 жителя Западного Берлина.

По приговору советского военного суда расстреляли 5 человек. По приговору немецкого суда двоих казнили в Дрездене.

В августе 1954-го СССР освободил ГДР от уплаты оставшихся 2,5 млрд. долл. репараций, передал ГДР 33 промышленных предприятия, предоставил кредит и осуществил дополнительные поставки товаров.

Подавляющее большинство граждан ГДР не поддержало «восстание». Более того, на демонстрацию 24 июня молодежи Восточного Берлина в поддержку действий советских властей вышло множество горожан.

Совершенно другая картина, нежели рисуют официальные западные источники, не правда ли?

В листовке НТС значится: около Магдебурга на лесной поляне расстреляли 28.6.1953 18 солдат 73-го стрелкового полка. Среди них (было установлено) ефрейтор Александр Щербина, рядовой Василий Дятковский и сержант Николай Тюляков. Еще 23 советских военнослужащих расстреляли на скотобойне в Берлине. Через год в июне 1954 г. в американском секторе Берлина соорудили скромный обелиск. На его открытие прибыли видные деятели российской эмиграции, в том числе Александр Керенский – бывший глава Временного правительства. На сером граните надпись по-немецки «Русским офицерам и солдатам, которым пришлось умереть, потому что они отказались стрелять в борцов за свободу 17.6.1953».

На самом деле этих солдат никогда не было. И они не могли быть расстреляны. 73-й полк покинул Германию сразу после окончания войны.

Слухи о расстреле советских солдат упорно распространялись. В них ссылки на рассказы сбежавших в Западный Берлин советских офицеров. Один из них майор Никита Роньшин. Который сбежал в Западный Берлин за два месяца до начала событий.

Грасс ясно видит, что восстание не было народным. Но знал ли обо всех перечисленных фактах писатель? Нет, он даже вопросов не задавал. Он не хотел знать.

Дюренматт пишет об ответственности физиков перед человечеством (1962). Как насчет ответственности писателей?

Восток или Запад?

Гессе бежал от нацистов в Швейцарию, Бехер уехал в СССР, Фейхтвангер был очарован Сталиным, но, как и Ремарк, уехал в США.

Зегерс, Штритматтер, Брехт остались в ГДР, в ГДР печатались Томас Манн и Леонгард Франк.

Генрих Белль, Грасс выбрали ФРГ («Группа 47»).

Белль пытался выступить в печати с требованием провести расследование гибели членов РАФ («Фракция Красной Армии», RAF - Rote Armee Fraktion) — немецкая левая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968-1998 годах, которую спецслужбы ФРГ спровоцировали на террор и затем ликвидировали).

Это еще один водораздел.

Разделит война во Вьетнаме, разделят мощные волнения низов конца 60-х во Франции, Италии, США.

Будто бы литература знала, что такое буржуа, с эпохи левеллеров и санкюлотов, со времен Мандевиля и Золя, Фурье и Маркса, Островского и Горького.

Но нет!

Нужно было снова восстать против белой кости и голубой крови, принимать сторону темной, бездумной и угрюмой, как на полотнах Берни, массы рабочих.

Нужно было сначала признать правоту Ленина. И еще раз признать правоту Ленина, когда он отверг отмену денег, на съезде сельскохозяйственных коммун объявил, что вряд ли и внуки увидят социализм, и ввел НЭП. И НЭП вовсе не была «уступкой»!

Увидеть правоту лидера Рабочей оппозиции Мясникова – и его ошибку.

Признать правоту Рютина, увидеть, что такое Сталин.

Признать правоту Троцкого - и увидеть, что такое Троцкий.

Быть изгнанным из IV Интернационала и будто бы понять мир.

Но окончание анализа тут же ведет к провалу, признание тождества Германии и СССР не означает их тождества в мировой войне. Есть войны между империалистическими державами захватнические, объясняет Ленин, есть войны освободительные.

И это не всё, нужно было еще понять, где ошибся Маркс, как исправлял его ошибку Ленин, и только тогда понять, какое преступление совершил Сталин.

И это не всё, нужно еще было вспомнить, что революция – не дата, не отснятый кадр, по Франции буржуазная революция гуляла столетие.

Как много нужно было пройти.

Но того, кто успел понять, кто успел сказать правду, уже не слушали, из него назло ему самому сотворили фараона в гробнице. Всё заглушило славословие вождю.

Почетно вступить в компартию времен Джона Рида и Драйзера, постыдный фарс – вступить в КПРФ. История ускорялась, каждый ее шаг дробил, оставлял за гранью понимания, отсеивал, заставлял делать выбор, порой между чумой и холерой.

Фабрики – рабочим! Будто пересеченные наискось кривыми ятаганами лозунгов, опали по разные стороны полотна собранные в единой экспозиции толпы литераторов, философов, музыкантов. Каждый выбор – переломанные жизни, смерть.

Будто. Хорошо забыть мир, окунуться в это «будто», застрять в нем основательно, чуют его всеми органами тела, смаковать, пережевывать. Жить этим «будто». Хорошо с мясом и горчицей зажевать рваный кровавый рассвет, зачавкать забытый запах нагретого солнцем битого кирпича на стройке возле дома... И через годы окажется - ты пировал на обочине дороги, мимо проносились эскорты, грохотали эшелоны, взвизгивали тысячью свиней боевые машины пехоты, вставали и таяли города и государства, а ты в своей страусиной гордыне всего этого даже и не заметил.

Фотокамера

Казалось бы, «Траектория краба» - документальный очерк, с вкраплениями художественности, где Грасс, по своему обыкновению, постоянно пишет от собственного имени. Точнее – политическая хроника, в духе фантазий Юлиана Семенова, но на гораздо более реальной почве.

Внемлите Грассу, это быстрый, разговорный, резкий, обрывистый, полемичный, ПОЛИТИЧЕСКИЙ слог, слог выступлений у микрофона в зале, при всем этом не теряющий художественности, это забористое чтение! Хотя и без литературных изысков... уфф... Легковесный, молодежный слог, слог нынешних российских либералов и так называемых писателей.

Это Пушкин исследовал события периода восстания Пугачева. Это Пушкин собирал сведения, опрашивал крестьян. Но не Грасс. Грасс исследует... сеть, интернет, «перелопачивает» газеты. Грасс ищет в сети день рожденья Маринеску и не может найти. Грасс не слышал о сожженных вместе с жителями советских деревнях, не интересовался.

«Меня забавляла их бессмысленная перепалка. Но насторожила одна из реплик Вильгельма. Ведь я уже слышал это! Парируя язвительные замечания Давида, Вильгельм не удержался от следующего заявления: «Твои хваленые демократические выборы служат исключительно интересам плутократов и всемирного еврейства. Все это - сплошное надувательство!»

Совсем недавно нечто подобное прозвучало из уст моего сына. Мы увиделись с Конни по случаю моего очередного визита, в разговоре я по-отцовски снисходительно упомянул о своей последней статье, посвященной предстоящим выборам в ландтаг федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, а в ответ услышал: «Все это — сплошное надувательство. На Уолл-стрит или у нас — везде хозяйничают плутократы, всем правят деньги!

... Сейчас-то я знаю, что у моего сына были кое-какие связи с бритоголовыми».

Грасс разочарован результатами выборов, но не «их парламентом» (по выражению Ленина).

В романе появляются «пьяные грезы Маринеско», писатель творит из командира подлодки бессмысленного алкоголика, уголовника, ничтожного преступника.

«... для Владимира Курочкина безымянный потопленный корабль был до отказа забит фашистами, напавшими на его родину и оставлявшими за собою при отступлении выжженную землю. Лишь из рассказа Хайнца Шёна он узнал, что после торпедной атаки погибли более четырех тысяч детей, которые утонули, замерзли или были увлечены водоворотом от пошедшего на дно судна. Эти дети еще долгое время снились боцману в ночных кошмарах... существуют лишь оценки, согласно которым в конце концов на борт попало около четырех с половиной тысяч младенцев, детей и подростков».

Все чаще можно встретить в России экстрасенса. Причем не простого, а могущего общаться с потусторонним миром. То сталиниста, который пишет: «Сталин решил: так будет лучше...» То либерала: «В извращенном мозгу Ленина молнией пронеслось...» Гюнтер Грасс участвовал с Курочкиным в одних снах.

Но ведь не было на потопленном лайнере четырех тысяч детей. На чьи «существующие оценки» ссылается Грасс? Ведь он сам пишет: «... фотографий нашлось совсем мало - ведь вместе со скарбом беженцев на затонувшем корабле пропали и семейные фотоальбомы...»

«Ужаснее всего, по словам матери, был вид мертвых детей: «Все они падали с корабля головками вниз. Так они и застряли в своих громоздких жилетах ножками вверх...»»

Простите. Речь идет о престарелой женщине, которой со страху через много лет много чего может почудиться. Например, одна престарелая узница Освенцима – в фильме, который демонстрировался по российскому ТВ – рассказывала, что когда концлагерь освобождали, американский солдат взял ее, маленькую девочку, на руки. Еще одному пользователю интернета дед рассказывал, как в 1993 году во Львов пришли чекисты, и настал такой голод, что кору деревьев глодали. А Львов в 1933-м был в Польше, и освободила Освенцим Красная Армия.

Но Грасс упрямо продолжает: «... ножками кверху... погибли преимущественно женщины и дети...» Да ведь выдумка это. Грасс вовсе не родился на тонущем лайнере, как он это описывает в «Траектории краба». Грасс родился 16 октября 1927 года.

Нет, что вы, Грасс отнюдь не оправдывает вермахт, он даже оппонирует тем, кто только хочет сказать, что убийство беззащитных детей – чистое преступление...

Грасс против тех, кто называет «С-13 не иначе как «лодкой-убийцей», у кого весь экипаж этой боевой единицы Краснознаменного Балтийского флота заклеяны как «свора душегубов, убивающих детей и женщин»».

Он даже возражает: «... беззащитные девочки носили военную форму, кстати говоря довольно симпатичную. Серо-голубые юбки до колена, узкие жакетки. Прическа венчалась сдвинутой набок пилоткой с имперским орлом и свастикой. И все они, невинные или уже нет, прошли военную подготовку, после которой дали присягу на верность своему Вождю...»

И еще: «... одновременно на борт были приняты более тысячи моряков-подводников и триста семьдесят девушек-военнослужащих из вспомогательных подразделений ВМС, а также расчеты зенитных установок, спешно смонтированных на корабле? Он вскользь отмечает, что в начале и конце погрузки на борт попали раненые...» («бойцы с курляндского фронта»)

Грасс обвиняет и немецкое командование. В чем? В том, что шлюпки на воду не были вовремя спущены... Пишет «о нехватке десяти спасательных баркасов, которые были откомандированы для постановки дымовых завес при воздушных налетах на гавань и заменены гораздо меньшими по вместительности весельными шлюпками, а также срочно завезенными капковыми спасательными плотами».

Но вот ведь какое дело, пишет Грасс: «... что побудило командира С-13 резко ускориться в надводном положении и совершить рискованный маневр... Уже две недели его поиск был безуспешен. Ничего не получилось ни у острова Готланд, ни у балтийских портов Виндау или Мемель. Не выстрелила ни одна из имевшихся на борту десяти торпед. Он изголодался по добыче. Кроме того, Маринеско чувствовал себя уверенным только в море, его не могла не донимать мысль о том, что при безрезультатном возвращении на базу в Турку или Ханко его ждет трибунал, которого требовал НКВД. Дело было не просто в пьянке во время последнего увольнения и даже не в запрещенном посещении финских бардаков — его обвиняли в шпионаже, а такое обвинение служило с середины тридцатых годов обоснованием для советских чисток, и оправдываться тут было бесполезно. Спасением мог стать только очевидный успех».

Вот в чем дело, уверяет писатель – потому топил корабль с детьми Маринеско, что боялся НКВД. Приехали.

И далее, вчитайтесь в каждое слово:

«... С-13 шла параллельным курсом с целью, которая, к удивлению наблюдателей в рубке, имела ходовые огни и не двигалась противолодочным зигзагом. Метель окончательно прекратилась, поэтому возникла опасность, что пелена туч прорвется и тогда луна осветит не только огромный транспорт с кораблем сопровождения, но и подлодку».

Корабль сопровождения. От глубинных бомб которого потом укрывалась С-13.

«... в официальных сводках Краснознаменного Балтийского флота по-прежнему отсутствовало упоминание об уничтожении двадцатипятидесятника «Вильгельм Густлофф», ни слова не говорилось и о потоплении «Генерала фон Штойбена».

Ложь.

«В сентябре сорок пятого его лишили командования подлодкой, вскоре разжаловали в старшие лейтенанты, а в октябре уволили из военно-морского флота, обосновав эти три ступеньки последовательного унижения ссылкой на халатное отношение к исполнению служебных обязанностей».

Всё не так.

«После неудачной попытки устроиться в торговый флот — его признали якобы близоруким на один глаз - Маринеско нашел работу в качестве заведующего складом стройматериалов. Прошло совсем немного времени, и он, не предоставив достаточного количества убедительных доказательств, обвинил директора своего предприятия как в получении взяток, так и в даче взяток партийным функционерам, а также в спекуляции стройматериалами; в ответ против самого Маринеско были выдвинуты обвинения, что он, руководствуясь корыстными мотивами, раздавал материалы, пришедшие лишь в частичную негодность, чем нарушил закон. Особое судебное заседание приговорило его к трем годам лагерей. Его отправили на Колыму, в те места «Архипелага ГУЛАГ».

И это ложь.

Траектория краба... какого?

«Придется опять совершить траекторию краба: вернуться назад, чтобы продвинуться вперед».

Т.е. траектория – путь приближения к истине.

Но... скажем так: траектория подлодки Маринеску, лайнера «Вильгельм Густлофф»? Или Германии? Или самого Грасса? Который метался из страны в страну, вернулся в ГДР после войны, потом оттуда бежал.

Нет, не выдумка. Это его мать плыла на «Вильгельме Густлоффе», там его корни, это ему в сердце метила советская торпеда, это его сын убил еврея.

Но что ж Грасс не написал о Дрездене, который не имел никакого военного значения, но который в пыль разбомбили американские бомбардировщики? Там погибло гораздо больше детей.

В целом положение писателя в Германии после объединения изменилось. Мало кто из литераторов может позволить себе жить на гонорары. Писатели участвуют в фестивалях, читают лекции, выступают с авторскими чтениями, в том числе за пределами страны. «В эпоху перемен писатель может свободно выражать себя, но его слова не имеют морального веса, – считает Михаэль Лентц. – Пытаясь быть пророком, писатель рискует сегодня попасть в смешное положение».

Вот вам политический роман. Что, что вы хотите о современной литературе? Она такая же дура, как и подавляющее большинство населения планеты. Это вам не Бернард Шоу, не Генрих Манн, не Ромен Роллан.

Википедия сообщает: «По современным оценкам на борту должно было находиться 10 582 человека: 918 курсантов младших групп 2-й учебной дивизии подводных лодок (2. U-Boot-Lehrdivision), 173 члена экипажа судна, 373 женщины из состава вспомогательного морского корпуса, 162 тяжелораненых военнослужащих, и 8956 беженцев, в основном стариков, женщин и детей... С-13 зашла со стороны берега, где её менее всего могли ожидать, и, из надводного положения, с дистанции менее 1000 м в 21:04 выпустила первую торпеду с надписью «За Родину», а затем ещё две — «За советский народ» и «За Ленинград». Четвёртая, уже взведённая торпеда «За Сталина», застряла в торпедном аппарате и едва не взорвалась, но её удалось обезвредить».

То же самое читаем в «Траектории краба». Грасс черпает сведения из Википедии! Он ее дословно переписывает. В политических вопросах доверять Википедии может только беспредельно наивный. Но он мог бы продолжить изучение текста в Википедии:

«Исследователь катастрофы Гейнц Шён заключает, что лайнер представлял собой военную цель и его потопление не являлось военным преступлением, так как суда, предназначенные для перевозки беженцев, госпитальные суда должны были быть обозначены соответствующими знаками — красным крестом, не могли носить камуфляжную окраску, не могли идти в одном конвое вместе с военными судами. Также на их борту не могли находиться какие-либо военные грузы, стационарные и временно размещённые орудия ПВО, артиллерийские орудия или иные аналогичные средства.

Wilhelm Gustloff был военным кораблём, на который позволили подняться шести тысячам беженцев. Вся ответственность за их жизнь с того момента, как они поднялись на боевой корабль, лежала на соответствующих должностных лицах немецкого военного флота. Таким образом, можно считать, что

1. Wilhelm Gustloff являлся законной военной целью советских подводников ввиду следующих фактов:
2. Wilhelm Gustloff выполнял операции в зоне боевых действий и не являлся гражданским судном: на его борту имелось вооружение, которым можно было бороться с кораблями и авиацией противника;
3. Wilhelm Gustloff осуществлял переброску военнослужащих действующей армии;
4. Wilhelm Gustloff являлся учебной плавучей базой для подводного флота Германии;
5. Wilhelm Gustloff шёл в сопровождении боевого корабля флота Германии (миноносец Löwe);

(Heinz Schön, «SOS Wilhelm Gustloff», Motorbuch Verlag, 1998).

И далее: «"Вильгельм Густлов" (имевший на борту св. 5 тыс. солдат и офицеров, в т. ч. ок. 1300 подводников...» бал потоплен Маринеско, командиром ПЛ М-96, «экипаж которой по итогам боевой и политической подготовки 1940 занял первое место, а командир был награждён золотыми часами и повышен в звании до капитан-лейтенанта.

12.8.1942 М-96 вышла в очередной боевой поход. 14.8.1942 лодка атаковала немецкий конвой, состоявший из трёх транспортов в охранении двух тяжёлых плавбатарей. По докладу Маринеско, он выпустил 2 торпеды по немецкому транспорту, результатов атаки не наблюдал, слышал сильный взрыв, интерпретированный как результат попадания торпеды, в результате лодке было засчитано потопление транспорта. Согласно немецким источникам, атака была неудачной - корабли конвоя наблюдали след одной торпеды, от которой успешно уклонились».

В этом пункте Грасс не поверил Википедии, но поправил неверно, как увидим ниже, перепутал годы, написав, что ПЛ расстреляла транспорт из носового орудия.

«В ноябре 1942 года М-96 вышла в Нарвский залив для высадки группы разведчиков для операции по захвату шифровальной машины «Энигма» в штабе немецкого полка. Но шифровальной машины в нём не оказалось. Тем не менее, действия командира на позиции оценили высоко, и Маринеско наградили орденом Ленина... командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц решил предать Маринеско суду военного трибунала за самовольное оставление корабля в боевой обстановке (в предновогоднюю ночь командир на двое суток покинул корабль, экипаж которого за это время «отличился» выяснением отношений с местным населением)... Командиру С-13 не только простили прежние прегрешения, но и представили его к званию Героя Советского Союза. Однако командир бригады ПЛ капитан 1 ранга Л. А. Курников понизил статус награды до ордена Красного Знамени.

С 18.10.1945 по 20.11.1945 Маринеско был командиром тральщика Т-34 2-го дивизиона тральщиков 1-й Краснознамённой бригады траления Краснознамённого Балтийского флота (Таллинский морской оборонительный район). 20.11.1945 по приказу наркома ВМФ № 02521 старший лейтенант Маринеско А. И. был уволен в запас.

После войны в 1946-1949 гг. Маринеско работал старпомом на судах Балтийского торгового пароходства, в 1949-м – зам. директора Ленинградского НИИ переливания крови.

В 1949-м осуждён на 3 года лишения свободы по обвинению в разбазаривании социалистической собственности, наказание отбывал в 1949-1951 гг. в Ванино (Хабаровский край), в 1951-1953 гг. работал топографом Онежско-Ладожской экспедиции, с 1953 г. руководил группой отдела снабжения на ленинградском заводе «Мезон».

Никакого ГУЛага!

И преступления моряка должен был разбирать не НКВД, а военный трибунал.

Что же на самом деле?

В 1930-м юный Маринеско, несмотря на серьёзный конкурсный отбор, легко поступает в Одесский мореходный техникум. В учебе демонстрирует невероятное рвение.

В 1933-м получает диплом с отличием и к 20 годам становится помощником капитана корабля «Красный флот», невероятная даже для того времени карьера.

В 1940-м экипаж Маринеско установил невероятный даже для сегодняшних подводных лодок рекорд скорости погружений – 19,5 сек, норматив составлял 35 сек.

Да, в ноябре 1942 г. в Нарвской бухте десантники, высадившиеся с М-96, не обнаружили «Энигму». Но разгромили немецкий штаб, в руки советского командования попало большое количество сверхважных документов. Орден Ленина просто так не дают! Кроме того, Маринеско получил очередное воинское звание капитан-лейтенанта и был восстановлен кандидатом в члены партии.

Весной 1943 года Маринеско назначили командиром ПЛ С-13, которая почти год стояла на ремонте и не выходила в море. От безделья на базе офицер загулял, дважды сидел на гауптвахте, получал взыскания по партийной линии.

В октябре 1944 г. во время первого же своего выхода в море подводная лодка С-13 обнаружила немецкий транспорт «Зигфрид». Атака четырьмя торпедами не увенчалась успехом, и Маринеско отдал приказ на всплытие. Субмарина расстреляла судно из артиллерийских орудий. За этот поход офицер получил очередной орден Красной Звезды, а все его предыдущие прегрешения были полностью списаны.

В ночь на 1.1.1945 Александр Маринеско самовольно покинул находившуюся на боевом дежурстве субмарину и направился в гости к новой возлюбленной (шведке).

Оставшийся без командира экипаж встретил Новый год с огромным количеством спиртного, после чего подрался с местным населением.

По-видимому, Грасс представляет американских солдат эдакими затворниками, стойками, виски не пьют, с девками не гуляют.

Беда Маринеско состояла в том, что он не церемонился с командирами, политработниками, да любым начальством. Успех Маринеско у красивых женщин вызывал зависть и злость других офицеров.

Алкоголики не имеют успеха у красивых женщин!

В немецких документах указывается, что в результате атаки С-13 корабля «Вильгельм Густлофф» погибли 4855 человек, включая 405 курсантов-подводников.

Указывается также, что 10 февраля в районе Данцигской бухты С-13 атаковала санитарный транспорт «Штойбен», на котором находилось более 4000 раненых и беженцев. Корабль в течение нескольких минут затонул, спасти удалось лишь 659 человекам. Якобы позднее Александр Маринеско признавался, что принял это вооруженное зенитными орудиями судно за легкий крейсер «Эмден».

Что же на самом деле? Даже Википедия сообщает: «... через десять дней, в том же походе, подлодка С-13 потопила в Балтийском море еще и крейсер «Генерал фон Штойбен», на борту которого было около 3000 фашистских солдат и офицеров».

На самом деле на «Вильгельме Густлофф» эвакуировались 3700 немецких подводника, то есть, полные экипажи для 70-80 субмарин, а также надзирательницы-эсэсовки из женских концлагерей. Эта победа имела стратегическое значение, поскольку вместе с лайнером на дно Балтики отправился цвет германских подводников.

Грассу стоило бы обратиться за информацией к гросс-адмиралу Карлу Денницу, папе всех германских подводников и преемнику Гитлера на посту канцлера Германии.

Во время Нюрнбергского трибунала Денницу предъявили обвинение, что его подчиненные топили мирные нейтральные суда. Адмирал : сами виноваты. Нечего мирным и гражданским судам плавать в зоне боевых действий. Если капитан мирного судна попадает в зону активных боев, то это его проблемы. И если потопили, то сам полностью виноват.

Согласно Женевской конвенции грузовое судно перевозящее военные грузы, снаряжение, а тем более солдат противника это уже комбатант. И экипаж его пусть состоит из гражданских моряков, все равно они комбатанты которых можно уничтожать.

Судно-некомбатант не должно иметь никакого вооружения и камуфляжной окраски, иметь опознавательные знаки в виде красного креста. Оно должно идти отдельно от военных судов и не охраняться. А главное - оно не должно перевозить комбатантов, солдат и офицеров противника. «Вильгельм Густлофф» до войны пассажирским лайнером. Летом 1941 года его приписали к базе подводного флота Германии, перекрасили в серый камуфляжный цвет, разместили на нем зенитные орудия.

«Вильгельм Густлофф» начал принимать на борт беженцев 22.1.1945. Сначала людей размещали по специальным пропускам. Под конец, 30.1.1945, офицеры экипажа судна уже перестали считать беженцев, количество которых перевалило за 10 000, при полагающейся загрузке в 1500 человек.

Таким образом, вина за гибель женщин и детей беженцев полностью лежит на должностных лицах немецкого флота и на Деннице, санкционировавшем такую загрузку военных судов.

Между прочим, Нюрнбергский трибунал оправдал Денница и его подводников по тем случаям, когда они топили нейтральные суда в зоне вооруженных конфликтов или гражданские корабли, перевозящие военные грузы.

Но Грасс не хотел знать.

Фашизм

Литература – дура.

Но не стоит останавливаться на этом! Продолжим.

Генрих Бёлль писал: «Вы всегда сможете различать немцев по тому, как они называют 8 мая: днем поражения или днем освобождения. Мы ждали наших “врагов” как освободителей. Один из выживших из ума генерал-фельдмаршалов потом назвал это не «поражением», а «утраченными победами.»» Врагов – как освободителей. Бёлль восстает против собственной империи.

Это Группа 47, писатели отмечают день подписания капитуляции вермахта перед американскими войсками. Не 9 мая. Именно поэтому Грассу дали возможность получить Нобелевскую премию. Что ж, и на том великое спасибо, ведь Белль и Грасс со своим 8 мая выступают против собственной нации.

Но это же не всё! Писатели свято верят, что победу над фашизмом одержала демократия во главе с Вашингтоном. Именно союзники подмахнули капитуляцию Германии 8 мая в Реймсе, от СССР документ подписал полковник Суслопаров, оставив, однако, пометку, что документ является лишь предварительным соглашением.

Грасс - один из первых немецких писателей, открыто заговоривший о нацизме, о вине всех немцев, в том числе и индивидуальной вине и ответственности, и об осмыслении этой вины вместо «попыток поверхностного вытеснения прошлого» (Млечина И. В.. Гюнтер Грасс. Серия "ЖЗЛ". Молодая гвардия, 2015. 319 с.)

Например, из сцены спуска «Вильгельма Густлоффа» на воду: «Не стану перечислять всех, кто маршировал в колоннах, кто щелкал, здороваясь, каблуками. Когда Вождь всходил на трибуну, внизу толпились, приветствуя его, рабочие. Четыре года назад на последних свободных выборах большинство из них еще голосовали за социал-демократов или коммунистов. Теперь же для них существовала лишь одна-единственная Партия и перед ними стоял собственной персоной олицетворяющий ее Вождь». Рабочие – виновны.

Литература – умнее!

То есть. Фашизм не есть удел отдельных групп внутри нации. Фашизм – заслуга ВСЕЙ нации. Вот что важно у Группы 47.

Виновны солдаты вермахта - за то, что стреляли, на войну не спишешь, никто их в Союз не приглашал. Виновны их жены, дети, родители, которые получали в подарок из Союза отобранные у крестьян одежду, утварь, инвентарь. Виновны немцы, радовавшиеся винам из Франции, сыру из Голландии, рыбе из Норвегии.

Виновны те, кто равнодушно смотрел, как ни в чем не повинного соседа увозил черный воронок, те, кто подписывал «гневные письма трудящихся» с требованием «распни его», те, которые сегодня оправдывают убийства миллионов невинных.

Посмотрите, какая разница между странами.

В России приверженцы Сталина машут рукой в сторону народа: доносчики виноваты, их были миллионы, народ виновен. Не Сталин.

Грасс, Белль отождествляют Гитлера и немецкий народ.

В России либералы, с одной стороны, элиминируют различие между историей страны до 1956 года и после, с другой стороны, «патриоты» записывают во власовцы всех «троцкистов», элиминируя разницу между историей страны до 1941 года и после.

Германия финансирует программы, по которым «мальчик Коля из Уренгоя», выступая в бундестаге, жалеет несчастных фашистов, убиенных на советской земле. Немецкая литература не желает отмывать добела черного кобеля. Литература – умнее!

«У меня всегда вызывали недоумение люди, способные уставиться в одну точку и буравить ее, пока не пойдет дым, не разгорится пламя. Таков был, например, Густлофф, который был зациклен на преданности Вождю, или Маринеско, который в мирное время упорно отрабатывал атаки на корабли противника, или Давид Франкфуртер, который вначале задумал самоубийство, но впоследствии решил подать знак своему народу, призывая его к сопротивлению, и потому продырявил четырьмя выстрелами другого человека», - пишет Грасс в «Траектории краба».

Грасс восстает не только против немецкого, но и еврейского национализма, хотя в «Траектории краба» возражение еврейскому национализму довольно абстрактно: «антифашистские трафареты». Хотя вполне мог бы вспомнить, как в 1948 году, еще до признания ООН Израиля, еврейские солдаты для расширения территории страны вырезали всё население Дейр Ясина, детей, женщин стариков.

Грасс не сделал следующий шаг.

Виновны киевляне, которые спокойно смотрели, как толпы на площадях зиговали и скандировали: «Москалей и жидов на гиляку».

«... Образование и культура будут принадлежать лишь титульной нации, а не свиньям, которые разговаривают быдлчым татаро-мордовским языком. В демократической Украине каждый настоящий патриот будет иметь рабов. Пусть ледащая быдлота работает, так как москаль – не человек... Он может жить только для работы на настоящего хозяина – украинца. Не захочет – собаке собачья смерть! Москаль должен добросовестной работой довести свое право жить среди нас...» Это из воззвания львовского кандидата в депутаты от УНА-УНСО А. Шкиля, спичрайтер – Татьяна Чорновол, 2002 г. УНА-УНСО – бандеровская организация, опекавшаяся инструкторами НАТО, ставшая частью «Правого сектора». Воззвание Чорновол зачитывала, вскидывая руку в нацистском приветствии. Уполномоченный правительства Украины по вопросам антикоррупционной политики с 5 марта по август 2014 г. С начала сентября — советник главы МВД Украины А. Авакова. С 27.11.2014 - нардеп ВР VIII созыва от партии «Народный фронт». Выпускающий редактор портала «Левый берег». Разве не выдели. Не слышали рядовые украинцы Татьяну Черновол, разве не рядовые украинцы голосовали за Шкиля?

Бандеровцы расстреляли 8 автобусов с безоружными крымчанами, возвращавшимися домой с антимайдана. В Киеве на майдане журналисту Рулеву рвали ногти плоскогубцами, бойцам «Беркута» выкалывали глаза, сжигали коктейлями Молотова заживо. Активисты майдана забили обушками топоров несчастного Владимира Захарова, инженера-компьютерщика в офисе Партии Регионов, только за то, что он попросил выпустить женщин по-русски, постфактум глумливо (следы же надо заметать) записав убитого под №22 в так называемую «Небесную сотню». Жругого технического работника офиса сожгли. В Чернигове избили парня только за то, что говорил по телефону по-русски. В Харькове пожилую женщину-врача молодчики избили за то, что участвовала в митингах против бандеровцев, женщину отвезли в реанимацию. В Луганске, задолго до возникновения Сопrotивления, авиация бомбила жилые здания, трупы валялись во дворах. В подвалах киевской мэрии активисты майдана избивали недовольных, загоняли иголки под ногти, ломали пальцы, фалангу за фалангой. В Харькове бандеровцы зарезали пожилую Бломериус, одного из лидеров сопротивления нацизму. В Одессе, Мариуполе бандеровцы сожгли людей. В Мариуполе солдаты Вооруженных сил Украины отлавливали девушек и юношей, насиловали их, избивали убивали прямо на улицах.

К 2016 году по данным ООН в результате артиллерийских обстрелов мирных кварталов городов Донецкой и Луганской областей погибли более 300 детей, многие были покалечены.

После первого майдана в 2004 году украинский оборонный гигант «Южмаш» потерял часть российских заказов. Порошенко окончательно поставил крест на сотрудничестве завода с Россией. «Южмаш» встал. Что же рабочие? Они предложили перепрофилировать предприятие на производство оружия для так называемой антитеррористической операции. Украинские рабочие – виновны.

Выверт истории – во время войны еврей-партизаны уничтожали бандеровцев, ныне евреи поддержали необандеровцев. Майдан поддержал еврейский бизнес на Украине. Раввин Симферопольский призвал НАТО нанести ядерный удар по России. Бандеровцам на майдане помогали и ЦАХАЛ, И МОССАД. Посол Израиля в Киеве приглашал к себе главу украинских нацистов Яроша. Солдаты ВСУ, получившие ранение, лечились в больницах Израиля, позже там будут лечиться боевики ИГИЛ.

Да и как сделать этот шаг, если фашизм на Украине – дело рук демократических Соединенных Штатов. Грасс успел увидеть, он скончался через год.

Л. Лазарев в статье «А по пятам война грохочет вслед» пишет, что образ матери, совмещающей приверженность как к немецкой нации при Гитлере, так и к Сталину – слаб, но это не так.

Грасс восстает против сталинского тоталитаризма, но слабо знаком с СССР. Лазарев пишет, что Грасс не знает реальной истории Маринеско, действительно, Грасс радикально искажает ее. Однако о чем этот персонаж? Он представляет Маринеску олицетворением – нет, не великорусского, но великосоветского шовинизма. Грасс не может не знать, что пролетарский интернационализм является составляющей политики компартии СССР.

Но какая же это нация, советская? Это не нация, сколько ни говори о новом советском человеке. Для советского шовинизма необходима нация, которая является изгоем, над которой советский народ себя ставил бы.

Грасс против фильма «Иван Грозный» - о царе, который огнем и мечом расширил территорию России? Или против антисемитизма в СССР, против борьбы с безродным космополитизмом? Но 2-я мировая показала, что Москва не захватывала Европу, в ряде стран коммунисты пришли к власти хотя и под впечатлением присутствия советских войск, но самостоятельно, тот же Бенеш. С другой стороны, множество евреев – Герои Советского Союза, включая Моше Даяна, масса евреев – ведущие физики, математики, музыканты, поэты, не кто-нибудь, а Сталин настоял, чтобы ООН, которая вначале была против создания Израиля, голосовала вторично. Грасс не мог не знать, что отношения между Израилем и СССР испортились лишь после того, как Бен Гурион расстрелял моряков, восставших под знаменем «Вся власть Советам».

В чем же дело? Грасс выдумал и советский шовинизм?

Нет, просто Грасс видит за вывеской суть. Он не знает, что в СССР не было социализма, он не мог слышать речи Ленина на съезде сельскохозяйственных коммун в 1920 году, не знает, что Ленин в 1919 году говорил: «Ни одному здравомыслящему коммунисту не придет в голову отождествлять существующие экономические отношения с социализмом. Он не знает марксистских категорий, которые точно определяют государственный капитализм в СССР. Он просто отмечает тождество людей, которые тупо стреляют в цель, он называет социализм братом капитализма. Это не следование теориям Питирима Сорокина – Сахарова о конвергенции и, конечно, не следование Сахарову. Грасс видит тождество сталинского СССР и гитлеровской Германии. И спасибо на том, что, выступая против нацизма, не выступил против СССР во время войны, как это сделали выброшенные из IV Интернационала Отто Рюле, Игаэль Глюкшейн (Клифф) или Рая Дунаевская-Шпигель.

Фашизм не есть нечто отстоящее от магистрального пути цивилизации. Это закономерный этап в развитии капитализма, присущий всем странам мира. В том числе Соединенным Штатам, с их расизмом, с медицинскими опытами над пленными вьетнамцами в духе Менгеле, с казнью с применением пыток миллиона мирных жителей Северной Кореи всего за два месяца оккупации – на зависть Гиммлеру, с двумя тысячами убитых мирных граждан Югославии, включая детей, с полумиллионом убитых мирных жителей Ирака, с гуманитарной катастрофой, устроенной Вашингтоном в Ливии, в развязывании войны в Сирии.

За время оккупации Америки испанцами и англичанами было истреблено до 120 млн индейцев (подсчеты по уравнению Ферхюльста дают 103 млн). Только при перевозке из Африки погибло 9 млн негров.

Грасс не либерал, запродавший рябому черту на три поколения вперед, он не получает доллары в посольстве США, не крестит русских нацией рабов. Но это Группа 47, «враг» - в кавычках, день победы, а не поражения – но 8 мая.

Противоречие в том, что отождествление СССР и Германии, в том числе во время войны – позиция союзников, США и Великобритании, ныне это позиция США и ЕС.

Но Грасс не хочет замечать человека, стоящего за спиной фотографа и подсвечивающего фонариком нужные фигуры.

Июнь 2020